

34. Покровский Ф.И. Путешествия в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. // Известия ОРЯС. СПб., 1914. Т. 18, кн. 4.
35. Малышева И.А. О словаре торговой лексики XVIII в. // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005.
36. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. XI. СПб., 1869. 1684–1685 гг.
37. Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности. XVII – первая половина XVIII вв. Новосибирск, 1985.

УДК 801:001.89

Т.М. Ильинская

ЗНАЧИМОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Томский политехнический университет

Настоящий этап развития лингвистической науки направлен на изучение языка в его тесной взаимосвязи с человеком говорящим, а также исследование роли языка в процессе познания человеком действительности. Путь исследования познавательных процессов лежит через анализ речемыслительной деятельности человека, а следовательно, и языковых явлений. Таким образом, «...лингвистика – единственная из современных наук, объект которой совпадает с ее дискурсом по поводу этого объекта» [1, с. 61].

В ходе исторического развития определенного культурного сообщества происходят, на первый взгляд, незначительные сдвиги в мировидении, а следовательно, и формообразовании мыслительных структур. Но если дистанцироваться на более значительное временное расстояние, то даже в рамках одной культуры становятся более понятны причины, сформировавшие культурное сознание в определенном историческом периоде времени. Таким образом, «сравнительный анализ различных национальных и исторических типов ментальности способен помочь постичь свое «культурное бессознательное» [2, с. 10]. Проводя исторический анализ языковых фактов, можно получить ответ о способах и специфике мировосприятия и ментальных процедурах, присущих представителям определенной исторической эпохи. «Заниматься исторической семантикой – все равно, что производить исторические раскопки, но не с целью найти определенные отправные точки и линии развития, а в надежде воссоздать общую картину, утраченную во времени», – пишет Марк Бишофсбергер [3, с. 7].

В настоящее время собран и проанализирован обширный материал по истории различных слов и лексических групп как предметной и бытовой лексики, так и абстрактных имен. В рамках таких исследований выявляются причины, условия и время возникновения определенных лексем, а также тенденции развития их семантической структуры. (Подробнее см.: В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, В.В. Колесов, В.И. Гончарова и др.).

Цель данной работы заключается в том, чтобы показать объяснительную способность данных, полученных путем историко-этимологического анализа, с одной стороны, и возможности синхронного среза языка скорректировать диахронные построения, которые часто бывают многозначными, с другой стороны. Это теоретическое утверждение мы рассмотрим на примере эволюции представлений о *силе* в русском языке по данным лексикографических источников [4–14].

Реализация поставленной цели потребовала определить состав лексико-семантического поля, выявить его ядерную и периферийную части и проследить динамику развития семантики каждого из его элементов. Под ЛСП понимают совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда даже общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [14, с. 380].

Исторический и этимологический анализ лексических единиц позволяет выявить этапы формирования и осмысления данного понятия в русском языке и определить, каким образом менялось представление, какие признаки актуализировались в сознании носителей языка в разные отрезки времени.

Традиционно, описывая структуру ЛСП, прибегают к терминологии естественных наук, а именно: выделяя ядро и периферию (ближнюю и дальнюю). Языковые единицы, представляющие ядерную часть, обладают концентрацией наиболее существенных признаков, стилистически нейтральны и имеют высокую частотность употребления. В настоящей работе нас интересовали прежде всего лексические единицы, которые составляют ядерную часть лексико-семантического поля *силы* в русском языке.

По данным лексикографических источников [12–13], понятие *силы* в сознании носителей русского языка на современном этапе представлено следующими лексическими единицами: *сила, крепость, мощь, мощность*.

Интегральный семантический признак данных лексем – «внутренние возможности, благодаря которым объект в состоянии выполнять какие-либо действия, либо противостоять внешнему воздействию». При этом *силы* нужны для выполнения любых действий (физических, умственных и волевых). Объекты, наделенные *крепостью*, характеризуются особенно высокой степенью проявленности данного признака (*крепкий мороз, крепкий раствор, крепкое слово*), надежны по своим свойствам (*крепкая любовь, крепкое хозяйство*), сильный духовно, морально (*крепкий человек*). *Мощь/мощность* – величина, характеризующая максимальные (чрезвычайные) способности объекта, непосредственно связана с его техническими характеристиками (*мощная армия, мощный мотор, мощный порыв ветра, мощные плечи*).

Базой для данного исследования послужили толковые, исторические и этимологические словари [4–13]. Ключевая лексема данного поля – *сила*. Динамика развития ее семантической структуры, с определенной степенью приближенности хронологически зафиксированных значениях этого слова по Словарию русского языка XXI–XVII вв., следующая:

- естественная способность, свойство (1073 г.);
- мощь, сила телесная (XI в.);
- множество (1263 г.);
- могущество, власть (1267 г.);
- сила/значение (1280 г.);
- средства (сообразно средствам, по мере возможностей) (1288 г.);
- произвол (самовольно) (1307 г.);
- воинство, войско (1347 г.);
- насилие (1351 г.), против воли (1471 г.);
- духовные силы (1414 г.);
- твердость/крепость (1414 г.);
- проявление сверхестественной силы (1414 г.).

Сопоставление разновременных фиксаций показывает, что первоначально представление о *силе* связано с физическими данными (вплоть до XV в., когда впервые зафиксировано значение «духовные силы»). Следует отметить, что значительное количество производных лексем продолжает первичную семантику производящего слова, связанную с обозначением физической силы: *сильномогучий, силить и силовать, сильноватый, сильность, сильноватость, силоваться, силиться, бессилить, обессилить, высиловать, досилиться, иссилиться, насиловать, изнасиловать, надсилиться, осилить, пересилить кого, присиловать, силенье, силованье, сильнеть, сильничать, силач м., силачка ж., силоша, силован, силователь, сильник, силомер, силоцарник, силоцвет, сильновладелец* [10, с. 133–147; 11, с. 347–354].

Русское слово *крепость* по данным древнерусских текстов также связано с обозначением физи-

ческой силы объекта. Динамика развития семантической структуры такова:

- физическая сила, мощь (1076 г.);
- мужество, стойкость, твердость духа (XII в.);
- могущество, сила, непобедимость, укрепление, сооружение, делающее неприступным пункт (1216 г.);
- тюремное заключение, лишение свободы (1355 г.);
- упорство, непоколебимость (1446 г.);
- все, что поддерживает, утверждает достигнутое соглашение (документ, присяга, клятва), подтверждение, утверждение (1478 г.);
- документ, подтверждающий право на владение кем-л., чем-л., скрепляющий достигнутое соглашение (1534 г.);
- естественная преграда, защита (1571 г.);
- строгость, суровость (об образе жизни) (1571 г.);
- твердость, прочность (1571 г.);
- укрепленное место, крепость (1613 г.);
- оплот, защита (1653 г.);
- приспособления для укрепления, скрепления сооружений (1699 г.).

Как видим, современное значение «твердость/прочность» встречается в текстах только с XVI в. [10, с. 35], в то время как обозначение физической и духовной силы известно в ранних текстах. *Крепость* образовано при помощи суффикса *-ость* от древнерусского *крѣпый* в значении «здоровый, физически крепкий, сильный». Уже с XI в. известны также его значения «могущественный, непобедимый», «мужественный, отважный, стойкий, суровый». Ряд производных от *крѣпый* продолжают семантику, указывая на моральные и духовные качества объекта (*крѣпкодушный* «сильный духом, мужественный, стойкий» (XI в.), *крѣпкомысленный* «твердый и непреклонный в выполнении своих замыслов» (XIII в.), *крѣпкоумный* «твердый духом, упорный» (XV в.), *крѣпкословный* «тот, кто выполняет свое обещание, держит слово» (XVII в.) и др.

Для выражения понятия физической силы наравне с *силой* и *крепостью* существовала также лексема *могута* с вариантами фонем (*могота, мугута*), чье семантическое развитие, согласно лексикографическим источникам, выглядит следующим образом:

- мощь, сила, могущество (1477 г.);
- физическая сила (XV в.);
- материальные средства, достаток (XVI в.);
- *могуты не стало* – не стало сил, возможностей (1677 г.) [10, с. 230].

Семантика названных лексем развивалась от значения «могучий/сильный» к «большой, значительный» и «знатный/состоятельный».

Значение «быть в состоянии, в силах делать что-л., иметь силу, влияние» на протяжении долгого периода времени (XII–XVI вв.) было единственным зна-

чением лексемы *мочи, мощи*. В середине XVI в. *мочной грамотой* стали называть грамоту, в которой излагаются полномочия какого-л. представителя. Далее *мочным* в конце XVI в. характеризуют властного, богатого, могущественного человека (*полная мочь* ‘неограниченные полномочия’) [10, с. 284].

Лексема *мощный*, наряду с лексемой *крепкий*, употребляется в отношении Бога – ‘всесильный, всемогущий’, затем и применительно к человеку, земным существам – ‘сильный, крепкий властью, могуществом’. В словаре В. Даля мы обнаруживаем целый ряд лексем, производных от *мога* ‘могута, мочь’; ‘сила, власть’; ‘достаток, богатство’ (*могач, -чка, могич, моги, мож(ч)но, возможность, могутный и могутной, могутство, могущество, могучесть или могучность, могутник, могучан, могучник, могутеть, могуществовать*) [8, с. 337]. В них реализуются в равной степени два основных признака ‘наличие физической силы’ (*могут* ‘силач, богатырь; великан, волот; сильный и рослый человек’) и ‘наличие власти, средств, богатства’ (*моженье* ‘сила, власть, богатство, возможность’).

Кроме перечисленных лексем, обнаружен еще ряд признаков прилагательных, в настоящее время употребляющихся все реже и характеризующих объект с позиции количественного показателя наличия физических сил, такие как *дебелый, матерый, ражий и дюжий*, относящиеся к просторечной и диалектной лексике.

Семантика прилагательного *матерый* развивается от значения ‘большой, высокий, огромный’ к ‘толстый, плотный, здоровенный, дородный’ и ‘взрослый, возмужалый’. Такие качества, как *дебелость и дюжесть*, также связаны с крепостью телосложения, тучностью и полнотой.

Проведенный исторический анализ показал динамику и направления развития значений названных лексем. Возникает вопрос: каков же первичный мотивировочный признак? Чтобы получить на него ответ, был проведен этимологический анализ, который позволил выявить, что *сила* – исконно-русское слово, унаследованное русским языком из древнерусского, праславянского, о чем свидетельствует наличие соответствующих лексем в других славянских языках. Одновременно с этим русское *сила* не имеет однозначного этимологического решения:

Праславянское **sila* чаще всего сближается либо с балтийскими обозначениями души, духа (лит. *siela* ‘душа, дух, чувство’ [5, с. 621], либо исходит из возможной связи славянского *sila* с германским рядом однокорневых слов со значением ‘душа’ [4, с. 285] (гот. *saivala* ‘душа’, др. сак. *sēola, siola*, др.-нж.-нм. *sēla, sila* ‘душа’, англосакс. *sāwol* ‘душа, жизнь’, англ. *soul*, др.-в.-нм. *sēle, sēula*).

Однако такое объяснение можно охарактеризо-

вать как объяснение неизвестного через неизвестное, т.к. слова балтийской и германской лексических групп также не имеют однозначного этимологического решения.

Вторая гипотеза принадлежит Ильинскому [4, с. 286], который сопоставляет русское *сила* с балтийскими образованиями: латыш. *sela* ‘слабость’, лит. *siela, siela (dial.)* ‘слабость, бессилие, беспомощность’. Данная гипотеза кажется еще менее вероятной по причине семантической несхожести (даже противоположности) значений ‘сила’ ↔ ‘слабость’.

Третье предположение, вслед за Францем Миклошичем, предлагает П.Я. Черных [6, с. 162], который склонен считать, что слово **sila* морфологически членится на *si* (корень), *-la* (суффикс), подобно русскому *жи-ла* (**zila*, при **ziti*). В древнерусском языке (с XI в.) одним из значений *жила* и являлось ‘сила, бодрость’ (отсюда *ожилити* ‘укрепить’) [6, 302]. Следовательно, можно возвести **si-* к и.-е. **sē(i)-, *sai-, *si-* ‘соединять, связывать’, старшее значение ‘соединение, связь’ → ‘множество’ → ‘сила’: **sē(i)-, *-sai- *sī-* (**sei- *si-*): др.-в.-нм. *seid* «веревка», *seil* «канат»; гот. *insailjan* «вводить на веревках»; др.-инд. *sināti, syati* «связывать»; лит. *siėti, seju* «связывать»; латыш. *siēt, sienu, seju* «связывать»; слав. **sidlo (*sitlo-) silo* «трос, канат, веревка»; полск. *sidło* «петля, силок, аркан, лассо»; укр. *сильце*; блг. *ciľo*; чеш. *osidlo* ‘силок, удавка’ [6, 162].

Семантические отношения *сила* – *жила* – *нить* отражают наивные анатомические представления о человеке: *жилистый* ≈ *сильный*.

Поскольку за пределами балто-славянской группы родственных образований не наблюдается, можно заключить, что это общеславянская инновация, которая распространилась во всех славянских языках.

На наш взгляд, последняя гипотеза выглядит наиболее убедительно по причине того, что значение ‘душевные силы’ у лексемы *сила* появляется значительно позже, чем ‘силы физические’, что было доказано в результате исторического анализа. Следовательно, возведение к балтийским и германским истокам со значением ‘душа’ маловероятно. Анализ исторической и семантической эволюции словообразовательного гнезда с вершиной *сила* показывает, что исходное значение для производных слов – *сила* физическая. Гораздо позже появляется осознание того, что человек бывает сильным, имея не только физическую силу, но и обладая духовной стойкостью.

Обращение к истории (времени вхождения) / этимологии (выяснению мотивировочного признака) демонстрирует то, как семантический потенциал, заложенный в слове, реализуется на современном этапе. Это своеобразный ключ, который дает возможность объяснить отношения внутри поля, а также подтверждает, что различия между членами

синонимического ряда обусловлены этимологически. Обращение к историческим фактам позволяет также определить исходные мотивировочные признаки и проследить возможности и границы использования семантического потенциала: разброс значения происходит в определенных рамках, следовательно, отчасти можно спрогнозировать возможность/невозможность развития значения.

Анализ материала позволяет понять историю формирования представлений о *силе* у носителей русского языка. Наиболее ранние представления, безусловно, связаны с физическими качествами человека, эффективностью производимых действий.

Становление понятия происходило по следующей схеме: *крепкий/твердый* → *сильный*; *сопротивляющийся/противодействующий* → *сильный*; *активный/деятельный* → *сильный*; *состоятельный/влиятельный* → *сильный*.

В современную эпоху сила человека, несомненно, связана с его интеллектом: *умный/способный* → *сильный*. Развитие значения в этом направлении не входило в задачи настоящего исследования. Анализируя языковой материал, мы видим неразрывную связь исторического развития общества и отражение его в сознании человека и далее в языковых фактах.

Поступила в редакцию 17.11.2006

Сокращения названий языков и диалектов

лит. – литовский; **гот.** – готский; **др.-сак.** – др.-инд. – древнеиндийский; **латыш.** – латышский; **др.-несаксонский;** **др.-нж.-нм.** – древненижненемецкий; **англосакс.** – англосаксонский; **англ.** – украинский; **болг.** – болгарский; **чеш.** – чешский; **др.-в.-нм.** – древневерхненемецкий;

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М., 2003.
2. Ильин И.П. Междисциплинарность гуманитарных наук и актуальность компаративистики. Научно-аналитический обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Языкознание. 2000. № 4.
3. Bischofsberger M. Sémantique historique et cognition. SCOLIA, Sciences cognitives, Linguistique et Intelligence Artificielle: Sémantique et cognition, sous la direction de M.Riegel, Université des Sciences Humaines de Strasbourg, 1996, n°9, p.7–22, доступно на сайте <http://www.revue-texto.net/lnedits/Bischofsberger.html>
4. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 2 (П-Я).
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотипное. М., 1987.
6. Черных П.Л. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1993., Т. 2: панцирь-ящур.
7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М. Вып. 1–32. 1974–2005.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1981.
9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1999. Т. 24.
11. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. М., 1989.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Изд. 2-е. Т. 1–2. М., 1991.
13. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
14. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М., 2002.